

А.М. Решетов

**ЖУРНАЛУ РОССИЙСКИХ ЭТНОГРАФОВ 75 лет
(НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ).
ЧАСТЬ I. 1926–1930 гг.**

В становлении и развитии этнографической науки в России как самостоятельной отрасли знаний значительную роль играли этнографические музеи, выставки, научные общества, университеты, деятельность отдельных выдающихся личностей и др.¹ Важное значение как организатора, координатора и пропагандиста в этом процессе имели также специальные этнографические издания. В 1846 г. Императорское Русское Географическое общество начало издавать в Санкт-Петербурге «Записки» общества, а спустя два года еще и «Географические известия», в которых публиковались работы и по этнографии. Наряду с этими изданиями в 1853–1864 гг. общество публиковало специальное серийное издание «Этнографические сборники».

В 1867 г. увидел свет первый выпуск «Записок Императорского Русского Географического общества по Отделению этнографии». В 1890 г. Отделение этнографии общества приступило к изданию собственного этнографического журнала «Живая старина», вокруг которого группировались столичные этнографы и фольклористы². Большая заслуга в организации и успешной деятельности этого издания принадлежала руководителям Отделения этнографии общества и редакторам журнала академикам В.И. Ламанскому и С.Ф. Ольденбургу. По мере развития отделений Географического общества на местах они начинали вести свою издательскую деятельность, выпускали «Труды», в которых заметное место неизменно занимала этнография³.

В Москве вопросы этнографии концентрировались в Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете, которое в 1866 г. стало публиковать «Известия» общества, а уже через два года, т.е. с 1868 г., – «Труды Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». В 1889 г. Этнографический отдел общества стал издавать собственный журнал «Этнографическое обозрение». В его подготовке и издании большую роль играли акад. Д.Н. Анучин, В.Ф. Миллер, Н.Ф. Янчук, В.В. Богданов.

Организовал собственное издание и старейший российский государственный музей – Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук, с 1913 г. носящий имя своего основателя Петра Великого. В 1900 г. вышел в свет первый выпуск первого тома «Сборника Музея антропологии и этнографии». За предреволюционные годы всего было опубликовано 4 тома в 22 выпусках⁴. Организатором и ответственным редактором издания являлся директор музея акад. В.В. Радлов. Созданный в 1902 г. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III в 1910 г. организовал свое издание «Материалы по этнографии России» под редакцией Ф.К. Волкова⁵. Этнографические статьи печатались также в разных других научных изданиях, прежде всего в «Трудах» Санкт-Петербургского и Московского антропологических обществ.

Хотя все указанные издания выпускались петербургскими и московскими научными обществами и музеями, в них помимо статей сотрудников и членов обществ печатались работы провинциальных российских и даже зарубежных ученых. Таким образом, все они в той или иной мере выполняли функции не только местных, но и в известной степени общероссийских изданий.

Однако начавшаяся первая мировая война, а затем февральская и октябрьская революции 1917 г., гражданская война в России создали много трудностей в жизни общества. Это не могло не сказаться на издательском деле, в том числе на выпуске спе-

циализированных научных журналов, включая и этнографические. Помимо сложностей, связанных с политической и экономической обстановкой в стране, это объясняется разобщенностью этнографических кадров, их частичным оттоком из ведущих столичных научных центров, эмиграцией, а также невозможностью собирать новые материалы и обрабатывать их. Прекратилось издание «Живой старины» (1916 г.) и «Этнографического обозрения» (1918 г.), другие издания стали выходить крайне нерегулярно, нарушилась их периодичность. В начале 1920-х годов начали появляться новые журналы. Так, в 1922–1924 гг. в Москве выходил ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР «Жизнь национальностей». В 1923 г. в Иркутске стала издаваться «Сибирская живая старина» под редакцией М.К. Азадовского. Продолжалось издание «Сборников Музея антропологии и этнографии». В 1926 г. возобновили свою деятельность «Материалы по этнографии России» – орган Этнографического отдела Русского музея, в чем немалая заслуга принадлежала А.А. Миллеру и С.И. Руденко.

Вместе с тем всё большую актуальность приобретала задача организации нового, общесоюзного этнографического журнала. Именно это обстоятельство обусловило принятие решения об издании журнала «Этнография». Появление такого специального издания – важное событие в истории этнографической науки нашей страны. К сожалению, оно не оценено в должной мере в отечественной литературе. Так, наш крупнейший историограф С.А. Токарев в своем обзоре ранних этапов развития советской этнографии посвятил этому событию всего одну фразу: «В 1926 г. начал выходить журнал "Этнография"»⁶. Юбилейная статья А.И. Першица и Н.Н. Чебоксарова «50 лет журнала "Советская этнография"» посвящена только проблематике журнала и показывает ее в соответствии с духом времени исключительно в радужных тонах⁷. Однако история журнала, отмечающего в этом году свое 75-летие, – это история всей этнографической науки страны. Только он наиболее полно способен рассказать о времени и о себе, обо всех крупных событиях, происходивших в нашей науке в разные периоды ее истории.

Как известно, в 1926–1930 гг. журнал выходил под названием «Этнография». Это первый этап деятельности журнала и один из ранних периодов развития советской этнографии. Журнал был призван консолидировать кадры этнографов в новых условиях, а также направить их усилия на исследования проблем современности, на овладение новой методологией. Учредителем его выступило Главное управление научными учреждениями (Главнаука) Народного комиссариата просвещения РСФСР. Было определено издавать две книги в год. Редакционную коллегию утвердили в составе В.Д. Виленского-Серебрякова, проф. Д.А. Золотарева, акад. С.Ф. Ольденбурга (ответственный редактор), проф. Б.М. Соколова (ответственный секретарь) и проф. Л.Я. Штернберга. В данном случае был востребован большой научно-организационный и редакционно-издательский опыт акад. С.Ф. Ольденбурга, Непременного секретаря АН СССР, директора Азиатского музея АН СССР, видного деятеля Географического общества.

В состав редакции были включены представители различных учреждений: В.Д. Виленский-Серебряков как председатель Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, член Комитета содействия народностям Севера при Всесоюзном Центральном Исполнительском Комитете СССР, этнограф и антрополог проф. Д.А. Золотарев как один из руководителей Этнографического отдела Русского музея, фольклорист и этнограф Б.М. Соколов как профессор МГУ и директор Центрального Музея народо-ведения, этнограф Л.Я. Штернберг как профессор Ленинградского государственного университета и один из ведущих сотрудников Музея антропологии и этнографии АН СССР. Каждый из членов редколлегии в номере журнала за 1926 г. (кн. 1–2) получил возможность высказаться, определить свое видение задачи науки и журнала.

Как считал С.Ф. Ольденбург, характеризую задачи журнала «Этнография», «направление и содержание нового журнала предопределяла сама жизнь» (с. 5). Учитывая трудности прожитых лет, когда остро ощущался недостаток информации, он пред-

ложил сообщать специалистам, что сделано в РСФСР и за рубежом за эти годы, «зафиксировать ростки нового, переходные формы, пережитки старого, уделять внимание вопросам теории науки». С.Ф. Ольденбург особо подчеркнул и такую задачу: «Этнографические исследования ведутся у нас многими, с каждым годом растет их число, но согласованности в них мало, слишком много в них случайного, зависящего от индивидуальных интересов отдельных исследователей и отдельных учреждений. Хотелось бы, чтобы новый журнал помог объединить эти работы, осведомляя о сделанном и о том, что подготавливается и намечается» (с. 6).

В том же номере журнала была опубликована речь Л.Я. Штернберга на заседании в Академии истории материальной культуры в первую годовщину смерти Д.Н. Анучина «Д.Н. Анучин как этнограф». Как бы продолжая обсуждение задач журнала, он привел высказывания патриарха отечественной этнографии: «Незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас причиной многих административных и законодательных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственной русской народности» (с. 13). Эти важные слова приводились неслучайно, поскольку Дмитрий Николаевич, как подчеркивал Л.Я. Штернберг, в течение почти полувека «был высшим, всеми признанным судьей во всех выдающихся явлениях и трудах в области этнографии» (с. 12).

Принципиально важной следует считать опубликованную здесь же статью Л.Я. Штернберга «Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы», которая содержит ряд перспективных предложений. Рассмотрев главнейшие успехи и течения этнологической мысли на Западе, автор приходит к оптимистическому выводу, что, несмотря на все невзгоды, «смелые этнографические предприятия, смелые искания и дерзновения в области теоретической свидетельствуют о новом подъеме и энтузиазме... о творческой жизненной этнологии, о непрерывающейся работе мысли, о непрерывном искании научной истины, того именно, что составляет сердце и душу всякой науки» (с. 42). Исходя из того, что в советской России изучение этнографических проблем было признано одной из актуальных потребностей государственной жизни, автор ставит целый ряд вопросов по развитию экспедиционных исследований, обязательному знанию этнографами языка изучаемого народа, совершенствованию стационарного метода.

Признавая большую разобщенность этнографических работников, что само по себе являлось серьезным тормозом в работе, Л.Я. Штернберг призвал проводить периодически, по крайней мере каждые два года, этнографические съезды, а также создать специализированный научно-исследовательский этнографический институт. Для развития этнографических исследований необходимо, по его мнению, решительно расширить издательскую базу, чтобы обеспечить публикацию накопившегося материала. Нельзя не признать важность и перспективность задач, поставленных одним из ведущих этнографов страны.

В своей статье «Вопросы изучения быта деревни СССР» Д.А. Золотарев призвал отнестись к делу изучения современного быта деревни как к делу государственного значения и организовать систематическую работу в этом отношении, что важно как с научной, так и с практической точки зрения. Вместе с тем он справедливо обратил внимание на трудности, с которыми исследователь может столкнуться при изучении этого феномена. «Народный быт, слагаясь веками, необычайно устойчив, – пишет Д.А. Золотарев. – Мы нередко наталкиваемся на сохранение уклада жизни, сильно расходящегося не только с современными взглядами и идеологией, но даже с считавшимися господствующими в дореволюционное время, а переживания дохристианского времени даже в населении центральной России встречается постоянно» (с. 46–47).

Появление этой статьи на страницах нового этнографического журнала отнюдь не случайно. На отделении этнографии географического факультета Ленинградского государственного университета изучению этой темы придавалось большое значение: читались специальные курсы, проводились семинары, организовывались студенческие

экспедиции, издавались специальные сборники под редакцией В.Г. Богораза. Судя по откликам с мест, в провинции изучению крестьянского быта в те годы уделялось довольно пристальное внимание. Учитывая, что и государственные власти постоянно подчеркивали важность изучения деревни в целях поднятия хозяйства, появление такой статьи в журнале нельзя считать случайным. Тем более что автор призывал своих коллег в связи с планируемой статистической работой по переписи населения использовать представлявшуюся возможность для сбора материалов, характеризующих народную жизнь во всем ее разнообразии и полноте.

Как известно, в 1920-е годы в нашей стране начали придавать особое значение работе среди народностей Севера, в связи с чем при Президиуме ВЦИК был создан специальный Комитет содействия народностям северных стран (сокращенно – Комитет Севера). Советская власть как неотложную поставила задачу административно-хозяйственного освоения российского Севера. Поэтому, как отмечал в своей статье «Задачи изучения малых народностей Севера» В.Д. Виленский-Серебряков, перед комитетом были поставлены задачи «выяснения, разработки и проведения в установленном порядке мероприятий, необходимых для хозяйственно-экономического подъема Севера; разработки оснований административного и судебного устройства малых народностей применительно к их быту; разработки проектов изменений действующих узаконений применительно к географическим условиям Севера и особенностям быта туземного населения» (с. 56).

Формулируя задачи планового исследования Севера, изучения человека в условиях северной природы, сбора необходимых сведений о жизни и нуждах северных народностей, изучения их истории, традиционной культуры и быта, автор обратил особое внимание на опыт, накопленный отечественной наукой, особенно труды таких исследователей, как Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.К. Патканов и др. Именно они показали, как коренные народы в соответствии с накопленным опытом оживляют громадную северную территорию, осваивают ее богатства. Задача заключалась в том, чтобы государство помогло малым народностям Севера в улучшении их быта. «Можно и должно изучать жилище туземца, его одежду, можно записывать легенды и сказания, но при этом надо помнить, – писал В.Д. Виленский-Серебряков, – что в данном случае мы дело имеем не с редкостными экземплярами человеческого рода, сходящими со сцены, а с племенами, которые могут жить, если им будет оказана в ближайшее же время надлежащая помощь, поэтому мысль современного этнографа, подходящего к изучению малых туземных племен севера, должна быть направлена в сторону практических научно-обоснованных выводов, которые дали бы основание для помощи и возрождения этих племен как в хозяйственном, так и в культурном отношении» (с. 60).

Во всех названных выше статьях, ставивших задачи как перед журналом и наукой в целом, так и по определенным ее разделам, содержались в общем правильные и созвучные своему времени положения и некоторые мысли. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на отсутствие такого же рода статей по родственным и смежным наукам, таким как антропология, археология, фольклористика и др., хотя сведения о ведущих ученых, работавших в этих областях знаний, об их научной деятельности систематически печатались в разных разделах журнала, прежде всего в «Personalia». Слабое участие антропологов, археологов, фольклористов в работе журнала, как мне представляется, объясняется тем, что, во-первых, в собственно этнографических учреждениях, имевших отношение к изданию журнала, представители этих наук не работали; во-вторых, существовали собственно антропологические, археологические и другие специализированные научные учреждения, которые имели соответствующие издания по данной отрасли знаний. Однако в журнале «Этнография» все равно публиковались статьи представителей смежных с этнографией наук: например, на страницах журнала в 1926–1930 гг. увидели свет некоторые статьи крупных ученых: фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых, палеоэтнолога Б.С. Жукова, лингвиста-диалектолога В.М. Жирмунского, музыкальных этнографов А.М. Лободы, К. Квитко, В. Пасхалова и др. Основное же место, конечно, занимают материалы по этнографии:

статьи славистов Д.К. Зеленина и Н.П. Гринковой, кавказоведа Е.М. Шиллинга, а также информация об этнографической работе на местах – в Белоруссии, Чувашии, Удмуртии, Коми. Заметное место в издании 1926 г. занимали такие разделы, как «Хроника» (с. 262–313), «Personalia» (с. 314–352) и «Рецензии» (с. 353–376). Сегодня, по прошествии 75 лет, с благодарностью оцениваешь значение информации в первых двух разделах для истории науки – она поистине уникальна, и ее ценность только возрастает с течением времени. Эти разделы, к счастью, украшают и другие книги журнала в последующие годы этого периода.

В 1927–1930 гг. журнал последовательно публиковал статьи по теоретическим и конкретным вопросам этнографии, причем порой некоторые статьи носили практически монографический характер и печатались в двух–трех и даже четырех номерах подряд. Так, статья С.П. Толстова «Русские крестьянские постройки. (Критический обзор новейшей литературы)» опубликована в 1927 г. в двух номерах, работа Д.К. Зеленина «Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг.» – в трех номерах за 1926–1927 гг., фактически монография В.Н. Харузиной «Примитивные формы драматического искусства» печаталась в течение двух лет в четырех номерах за 1927–1928 гг. В этих и других работах советских этнографов содержатся не только обильный материал, его анализ, оценки работ предшественников, но и высказываются предложения по совершенствованию методики этнографических исследований. Так, С.П. Толстов считал своевременным «озаботиться созданием достаточно солидного руководства, которое могло бы ознакомить не только с тем, что нужно собирать, но и как нужно собирать, дало бы рядовому работнику, конечно, наряду с непосредственным инструктированием со стороны научных организаций, возможность более углубленно и методически подойти к изучаемому материалу» (с. 366).

На страницах журнала в 1926–1930 гг. заметное место занимают статьи теоретического характера, отражающие прежде всего точку зрения автора. Такова, например, статья Е.Г. Кагарова «Пределы этнографии», в которой автор развивает определение этнографии как науки о всех жизненных формах народа (народов), о культуре народов и законах умственного развития человечества, о взаимоотношениях отдельных народов и их культур, о душе народов, о духовной жизни человечества. По его мнению, этнография изучает первобытные народы, примитивные формации человечества, жизнь определенных социальных классов и т.д. («Этнография». 1928. № 1. С. 11–21). А конечный вывод таков: «Я определяю этнографию как науку о морфологии и динамике культуры человеческих сообществ, характеризующихся преобладанием рефлекторно-ассоциативных процессов мышления» (с. 19–20).

Наряду с этнографами старшего поколения (Д.К. Зеленин, В.Н. Харузина, Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз и др.) активно печатались и молодые этнографы, среди которых, пожалуй, наиболее активными были С.А. Токарев, С.П. Толстов, Е.А. Крейнович, А.Г. Данилин и др. С.А. Токарев опубликовал такие глубокие по содержанию статьи, как «Современное австралийское племя (Библиографический очерк)», «О системах родства у австралийцев (К вопросу о происхождении семьи)», «Общественный строй меланезийцев. К вопросу о происхождении классов и государства», а также рецензии и аннотации на книги отечественных и зарубежных авторов. При разработке вопроса о системах родства у австралийцев он уже тогда поддержал вывод о том, что термины родства по своему существу являются обозначением не физиологического родства, а определенных социальных отношений, что служит веским аргументом в борьбе со сторонниками концепции группового брака.

Анализируя общественный строй меланезийцев, ученый высказал предположение, что они стояли уже на пороге классового общества и государства и что это уже было не родовое общество. К сожалению, в науке тогда не существовало термина для определения характера такого общества. С.А. Токарев находился в числе тех ученых, кто первым заметил и оценил по достоинству книгу Густава Шпета «Введение в этническую психологию». Его вывод был однозначен: эта книга, хотя и небольшая по объему, но очень содержательная, и «область, намеченная Г. Шпетом, как область

этнической психологии, практически должна и будет всегда находиться в сфере внимания этнолога, который уделит ей, при общем распределении своего материала, соответствующие главы и параграфы» («Этнография». 1927. № 2. С. 406). Правда, С.А. Токарев считал, что автору не удалось обосновать этническую психологию как особую науку. Что же, не всё сразу приходит. В дальнейшем он в этой части пересмотрел свою позицию.

Молодые представители ленинградской этнографической школы строили свои материалы прежде всего на оригинальном, собранном ими самими в полевых условиях этнографическом материале. Так, Е.А. Крейнович на основе легенд и представлений гиляков о природе, ее строении и явлениях, о духах, имеющих антропоморфный облик и населяющих небо, землю и подземный мир, о хозяине моря, о происхождении людей и животных, о сексуальных связях духов и животных с гиляками и др. создал «Очерк космогонических представлений гиляк о-ва Сахалина» («Этнография». 1929. № 1).

В казалось бы информативной заметке «Остяко-самоеды Туруханского края» («Этнография». 1928. № 2) Г.Н. Прокофьев, базируясь на собранных им материалах, уточнил выводы своего учителя В.Г. Богораза и западного ученого Лоуи. Первый считал, что в шаманстве остяко-самоедов существуют два способа магического лечения: 1) большой теряет одну из своих душ, которую похищает покойник или какой-нибудь злой дух. Шаман должен отыскать и вернуть похищенную душу; 2) в человека вселяется злой дух в форме личинки слепня или другого насекомого, которая непрерывно незримо гложет нутро больного. В этом случае шаман должен извлечь из нутра больного это существо – высосать его собственным ртом. Лоуи считал, что первый способ распространен в Евразии, а второй – в Америке. Г.Н. Прокофьев убедительно показал, что оба метода сосуществуют в Евразии. Новый конкретный материал и его интерпретация характерны для статей Е.Р. Лепера «Южновеликорусский обряд "караулить солнце"», А.Г. Данилина «Приспособление для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей», Г.М. Василевич «Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов», Н.И. Гаген-Торн «О "бабьем празднике" у ижор (Ленинградская область)» и др. С интересными этнографическими статьями выступали медиевист Л.В. Черепнин «Из истории древнерусского колдовства XVII в.», музыковед В.К. Штешенко-Куфтина «Элементы музыкальной культуры палеазиатов и тунгусов» и др. В поле зрения редакции были и такие вопросы, как этнологическое изучение обычного права (статья А.М. Ладьженского), этнографическое картографирование (работы З.Е. Чернякова). Регулярно печатались статьи на музейные темы, в том числе и о новых этнографических музеях и экспозициях.

Рассматривая в ретроспективном аспекте содержание журнала «Этнография» за 1926–1930 гг., следует сделать обязательный вывод о том, что преобладающее число статей, помещенных в нем, посвящено исключительно проблемам традиционной этнографии и выполнено на основе общепринятой методики. Тематика этих статей самая разнообразная. Вместе с тем нельзя не признать, что в журнале выступали по преимуществу этнографы Ленинграда и Москвы – двух крупнейших этнографических центров страны. В известной мере это отражало географическое распределение этнографических научных учреждений по стране и соответственно наличие в них кадров профессиональных этнографов.

О международных связях советских этнографов свидетельствуют помещенные в журнале отчеты В.Г. Богораза о XXI конгрессе американистов, Л.Я. Штернберга «Этнография на III Всетихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г.» и др. Несомненный интерес для советских этнографов представляла серия статей о современном состоянии этнографии в Индии, Германии, Эстонии, Нидерландах и других странах (публикации А.М. Мерварга, Н.М. Элиаш, Е.Г. Кагарова, Л.А. Мерварт и др.). Нельзя не сказать, что в 1926–1930 гг. в журнале также помещались библиографические обзоры, рецензии и аннотации на работы отечественных и зарубежных авторов.

Особо отмечу, что увидели свет отклики на работы отечественных ученых, оказав-

шихся к тому времени в эмиграции (С.М. Широкогоров, И.А. Лопатин, Е.И. Титов, А.А. Бобринский, Е.А. Ляцкий и др.), а также таких ведущих западных теоретиков, как В.Шмидт, Ф. Гребнер, Б. Малиновский и др.⁸ В № 4 за 1930 г. упоминаются имена к тому времени находившихся в ссылке Б.А. Куфтина, А.А. Миллера, С.И. Руденко и др. Из помещенных рецензий хочу обратить внимание на обстоятельную рецензию В.Н. Харузиной на книгу Д.К. Зеленина «Ostslavische (russische) Volkskunde», изданную в Германии. По мнению рецензента, эта работа «должна быть настольной книгой для всякого этнографа, занимающегося этнографией русского народа... можно высказать только сожаление, что книга вышла не на русском, а на чужом языке, что помешает ее широкому распространению у нас. Мы высказываем твердую надежду, что во втором издании, которое не заставит себя, наверное, ждать, она появится на русском языке» («Этнография». 1928. № 2. С. 154). Несмотря на столь высокую оценку весьма авторитетного рецензента, выход этой книги Д.К. Зеленина пришлось ждать довольно долго. Она была издана только в 1991 г.⁹

Чрезвычайно важной вехой в развитии советской этнографии, несомненно, стал 1929 г. Это в первую очередь связано с состоявшимся 5–11 апреля в Ленинграде совещанием этнографов Ленинграда и Москвы, краткий отчет о котором опубликован в журнале за подписями Я.К[ошкина] и Н.М[аторина] («Этнография». 1929. № 2. С. 110–144). «Этнография не только не должна, но и не может стоять вне практических задач социалистического строительства в СССР», – таков был в общих словах единодушный вывод участников этого форума ведущих этнографов страны. Совещание рассматривало в обстановке острых идеологических дискуссий широкий круг вопросов, в том числе важный для нашей темы вопрос о журнале «Этнография»¹⁰. Сообщение по нему делал ответственный секретарь редакции проф. Б.М. Соколов.

В принятой резолюции подчеркивалась необходимость большей популяризации в печати роли и значения достижений советской этнографии, высказывался ряд рекомендаций: доведение числа выпусков журнала до шести в год, поскольку при имеющемся объеме два выпуска в год журнал не может справиться со своими все расширяющимися и углубляющимися задачами; усиление неславянского материала, для чего привлечь к работе в журнале этнографов – представителей разных национальностей Союза; издание сборников этнографических материалов в виде периодических выпусков приложений к журналу; приглашение к активному участию в работе журнала этнографов страны и т.д. Особо выделялись следующие, пожалуй, самые главные рекомендации: 1) одобрить намеченный расширенный состав редакции журнала «Этнография» и план введения новых отделов: «Методологический» и «Этнография и советское строительство»; 2) поручить редакции «Этнографии» обеспечить такое направление журнала, которое бы базировалось на историко-материалистическом подходе и давало бы теоретический отпор всем нематериалистическим настроениям в этнографической науке («Этнография». 1929. № 2. С. 143).

Рекомендованные новые разделы не были открыты в журнале. До конца 1930 г. не произошло и увеличения числа выпусков журнала до шести в год. Даже не начиналась подготовка к изданию сборников этнографических материалов в виде периодических выпусков приложений к журналу. Однако стали больше привлекать к участию в работе журнала местных этнографов. Вообще выполнение резолюции редакцией журнала если и начиналось, то шло неактивно. Правда, в отдельных статьях П.Ф. Преображенского, А.М. Ладыженского и некоторых других стали появляться ссылки прежде всего на работы Ф. Энгельса и К. Маркса. При первом взгляде выполнить указания совещания по утверждению в этнографии историко-материалистических принципов призвана была помещенная в № 1 журнала «Этнография» за 1930 г. статья В.Г. Богораза «К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений» (с. 3–56). Обратившись к коллегам с призывом делать упор на хозяйственную базу, автор приступил к разбору работ Д.К. Зеленина, Е.Г. Кагарова, Е.А. Крейновича и указал на то, что «даже наиболее вдумчивые и, так сказать, передовые эт-

нографы чужды осознания глубокой и причинной связи между формами хозяйства и связанными с ними социальными формами и вытекающими из них идеологическими надстройками» (с. 21).

Основное же внимание В.Г. Богораз уделил обоснованию выдвинутых им образцов четырех схем социальных и производственных форм вместе с надстройками (первая собирательская стадия – сухопутный вариант; вторая – вариант охоты; третья стадия «А» – скотоводство мясное, до перехода к молочному). По его мнению, степное скотоводство и мотыжное земледелие представляют одну и ту же третью стадию, которая возникает в той или иной форме почти одновременно в разных географических условиях. Оба варианта третьей хозяйственной стадии он рассматривает в рамках родовой формации, тогда как четвертая форма – пашенное земледелие – характеризует переход к классовому обществу. Фактически автор излагает свою концепцию развития хозяйственных форм, считая ее безукоризненно марксистской.

В его статье не упоминаются имена основоположников марксизма и нет ни одной ссылки на их работы. И даже сам термин «марксистский метод» употреблен чуть ли не единственный раз помимо упоминания в названии статьи. Редакция сопроводила статью примечанием: «Печатается в дискуссионном порядке. Статья представляет собою доклад, прочитанный в заседании социологической секции историков-марксистов при Комакадемии СССР в Москве. Изложение прений – в следующем номере журнала». Однако материалы обсуждения в дальнейшем не были опубликованы.

Редакция журнала помещала статьи авторов, которые по-разному подходили к одной и той же проблеме. Так, в № 1–2 журнала «Этнография» за 1930 г. печатались материалы обсуждения (дискуссии) в связи с работой Д.К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности». Участниками обсуждения были М.Т. Маркелов и С.П. Толстов. Вывод первого автора был спокойный и взвешенный: «Категорический ответ – "да или нет" в поставленной автором проблеме не раскроет нам компонентов ни финской, ни русской культуры вообще. Лишь внимательный анализ каждого культурного явления в отдельности без патриотического "кто у кого" в состоянии пролить свет на истинный генезис этого явления, на способы возникновения культурных ценностей и, наконец, на степень проявления творческих усилий отдельных соседствующих народов в создании той или иной культуры современности» (с. 62). Совершенно иную, резкую позицию, основанную на марксистских установках, занял оппонент Д.К. Зеленина С.П. Толстов, опубликовав статью «К проблеме аккультурации».

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса по существу – кто прав в этом научном споре, обратим внимание только на язык аргументов оппонента: «Статья Д.К. Зеленина (так же, как и его "Volkskunde" в отношении вопросов генезиса и развития восточнославянской культуры и народности и ее отношения к другим культурам и народностям) представляет собой антинаучную попытку тенденциозно интерпретировать факты, попытку, где отсутствует всякая критика источников, где голосовые утверждения переплетаются с произвольным истолкованием исторических и этнографических явлений, попытку, основанную на реакционной методологии и дающую «научную» базу для заинтересованных в развитии русского шовинизма групп как внутри Союза, так и вне его.

В обстановке обостренной классовой борьбы, когда каждое даже весьма теоретическое высказывание приобретает особую политическую актуальность, эта попытка, вопреки всем фактам, отстоять девственную чистоту "единой и неделимой" русской народности должна встретить со стороны марксистской науки жестокий отпор...

Эта критика не должна ограничиваться чисто негативным разоблачением реакционной сущности высказываний проф. Зеленина и методологических близких к нему этнографов. Перед нами – большая задача – по-новому подойти к колоссальным этнографическим материалам, еще почти неиспользованным источникам, для реконструкции истории народов СССР и своей конкретной работой создать подлинно научные построения, которые должны быть нашим ответом на всякую попытку, хотя бы и под

соусом чистой науки, содействовать росту шовинизма – и тем играть на руку врагам социалистического строительства» (с. 87).

Эта цитата приведена мною целиком намеренно, чтобы дать возможность читателю понять и оценить новые веяния в отечественной науке. Приведенный опус, с моей точки зрения, представляет собой первую попытку в журнале «Этнография» столь агрессивно, с помощью обвинений и ярлыков, «образумить» как маститого ученого, так и всех «методологически близких к нему этнографов», чтобы неповадно было, а также утвердить принципы марксистской науки нередко в вулгаризаторском и догматическом их понимании, дабы никто не отклонялся в сторону, а преданно служил делу социалистического строительства. Это, как оказывается, было только начало...

Изменения происходили и в составе редакции журнала. В 1927 г. умер Л.Я. Штернберг. Со второго номера за 1927 г. уже не упоминалась фамилия В.Д. Виленского-Серебрякова: в том же году он был исключен из ВКП(б) за антипартийную деятельность, уволен, а в дальнейшем репрессирован¹¹. В 1928 г. в состав редакции был введен В.Г. Богораз, а в 1929 г. – ленинградский этнограф и лингвист Я.П. Кошкин (Алькор). В № 3 журнала за 1930 г. помещено сообщение о смерти ответственного секретаря редакции проф. Б.М. Соколова – «одного из главных руководителей и вдохновителей журнала». В некрологе подчеркивалось: «За несколько месяцев до смерти один из первых откликается на призыв партии, мобилизовавшей все силы страны на помощь колхозному строительству. От секции научных работников он уезжает на работу по коллективизации, где в крайне трудных условиях на подлинной боевой работе доказывает свою преданность социалистическому строительству» (с. 4).

Начиная с № 4 за 1930 г. в состав редакции был введен партийный функционер А.А. Тахо-Годи¹², а важный освободившийся пост ответственного секретаря занял никому не известный Б.С. Хотинский, сразу же выступивший с инструктивной статьей «XVI партсъезд и наши задачи». Таких публикаций журнал прежде не знал. Приведу из нее несколько цитат, дающих представление о кредо этого автора: «Классовый враг без борьбы не желает уйти с исторической сцены. В ожесточенной предсмертной борьбе классовый враг разнообразит, видоизменяет оттенки, формы борьбы, пускает в ход все средства, мобилизует все силы, от религии до школы, от кабинетного теоретика до жулика или пацифиста, от якобы невинного исследователя до наглого вредителя, от социал-фашиста до открытого бандита-поджигателя...» (с. 5).

«Необходимо расширить рамки и устремления ее дисциплины. К этому обязывает этнографию ленинизм-марксизм, "душа которого – диалектика". Нельзя ограничить себя искусственной гранью на одном из общественно-исторических этапов исключительно. Невозможно материальную культуру изучать без людей, без групп, без классов, не скатываясь к фетишизму вещей. В области вещей: почему орнаменты, амулеты, жилища пейзаж и шалаш "дикаря"-кочевника – объект этнографии и в поле зрения исследователя, а украшения стен или "утварь", заводы, картины, архитектура в целом и т.д. этнографом игнорируются. Почему армяк ямщика прельщает этнографа, а риза или фрак или прозодежда отталкивают, производство, фабрика, рынки, город, их взаимоотношения с деревней, с колониями выпадают совсем...» (с. 7).

«Изучая материальную культуру людей, коллективов, их быт, язык, этнография должна перекинуться, как на исходную предпосылку, на производство и на экономику, без деления – город, деревня, чтобы не остаться на полдороге. Продвигая в этнографию поставленную т. Сталиным задачу приблизить теорию к изучению проблем революционной практики, наша задача археологию и антропологию подчинить этнографии...» (с. 8).

«Актуальная наша задача – бороться с уклонами, с псевдо-марксизмом, эклектизмом на этнографическом фронте; научно-исследовательскую работу направить в сторону разоблачения попыток буржуазных подголосков, под маской "нейтральности" и "чистой науки" и "описательности" протащить взгляды, противоречащие установке партии и марксизма-ленинизма. Такие попытки, имевшие место в последнее время в этнографической, краеведческой, востоковедческой работе, необходимо выкорчевать.

Извращая политику партии, эти с виду невинные "научные труды" демобилизуют, дезорганизуют пролетариат в момент его героического наступления против классового врага развернутым фронтом...» (с. 9). Это было единственное выступление Б.С. Хотинского на страницах журнала: на с. 104 его фамилия уже была в траурной рамке.

Как видно даже из приведенного выше материала, в 1929 и особенно в 1930 г. заметно активизировалась деятельность тех, кто, выступая с радикальных позиций, ратовал за утверждение марксистско-ленинской методологии в качестве не только ведущей, но и единственной методологии советской этнографической науки. Этому в немалой степени способствовало и разразившееся в октябре 1929 г. так называемое Академическое дело¹³. Первоначально оно планировалось против руководящей верхушки АН СССР, в первую очередь против неперменного секретаря АН СССР акад. Ольденбурга, акад. Ферсмана и др. Однако в конце концов его жертвами стала большая группа известных ученых, в том числе академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарис, Н.П. Лихачев и М.К. Любавский. Была арестована и группа ленинградских этнографов: А.М. и Л.А. Мерварты, Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гульбин и др. Всем им было предъявлено обвинение в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии в стране. Хотя в конце концов акад. С.Ф. Ольденбург не был привлечен к этому делу, однако 30 октября 1929 г. он был освобожден от должности Непременного секретаря АН СССР, которую непрерывно занимал с 4 (17) октября 1904 г. Таков был своеобразный «подарок» за четвертьвековую честную и бескорыстную службу на этом ответственнейшем посту в Академии наук в исключительно сложное время. В это же сложное время в течение последних пяти лет он также возглавлял журнал «Этнография»¹⁴. Как представляется, его влияние в редакции в 1929–1930 гг. постепенно ослабевало. 1930 г. – последний год существования журнала «Этнография».

Говоря о начале 1930-х годов, С.А. Токарев признает, что «в те годы журнал "Этнография" был коренным образом реорганизован»¹⁵. Его новые направления были прежде всего связаны с новым названием – «Советская этнография».

Примечания

¹ Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.

² Об изданиях Императорского Русского Географического общества по этнографии см.: Колесник С.В. Научно-организационная деятельность Географического общества и ее главные формы // Географическое общество за 125 лет. Л., 1970. С. 22–23.

³ Об издательской деятельности по этнографии в Москве подробнее см.: Анушин Д.Н. Полвека жизни Общества // Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1915. С. 18.

⁴ Об этом см.: Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978. С. 160–161.

⁵ Могиланский Н.М. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Живая старина. Год XX. Вып. 3. СПб., 1911. С. 495; Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 7. М., 1971. С. 22.

⁶ Токарев С.А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 – середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 95). М., 1971. С. 113. Текст данной статьи в первоначальной редакции был напечатан в журнале «Вестник истории мировой культуры» (1958. № 2 (8). С. 78–88).

⁷ Першиц А.И., Чебоксаров Н.Н. 50 лет журнала «Советская этнография» // Сов. этнография. 1976. № 4. С. 3–26.

⁸ Особо подчеркну, что оценки работ этих ученых в журнале были довольно положительными. Так, З.Е. Черняков в своей статье «О методах составления этнографических карт» карту патера В. Шмидта охарактеризовал как «полезную и грамотную» («Этнография». 1930. № 3. С. 119).

⁹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

¹⁰ Как представляется, актуальным остается вопрос об издании стенографического отчета совещания этнографов Ленинграда и Москвы (5–11 апреля 1929 г.), экземпляр которого хранится в Архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН в Санкт-Петербурге. К сожалению, некоторые авторы пишут и делают выводы об этом совещании, не будучи знакомыми с указанным важным источником.

¹¹ О нем см.: Виленский-Серебряков Владимир Дмитриевич // Сибирская советская энциклопедия. Т. I. Новосибирск, 1929. Стб. 483.

¹² О нем см.: *Решетов А.А.* Тахо-Годи Алибек Алибекович // Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 2. Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 343–345.

¹³ Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Ольденбурга. СПб., 1993; *Грачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997; *его же.* «Дело историков» 1929–1931 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998.

¹⁴ Разносторонняя деятельность акад. С.Ф. Ольденбурга в области этнографии, в частности его работа в качестве ответственного редактора журнала «Этнография», несомненно, заслуживает специального рассмотрения. В настоящее время наука располагает только небольшой статьей: *Станюкович Т.В.* Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 84–100.

¹⁵ *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 117.

A.M. Reshetov. Diamond anniversary of the journal of Russia's ethnographers (some points of history). Part I (1926–1930)

This article is devoted to the diamond anniversary of the journal «Ethnographic Review» and tells the history of its creation and functioning.

As the author writes the founded in 1926 journal «Ethnography» was the only All-Union ethnographic publication whose board of editors included many prominent ethnographers such as, for example, S.F. Oldenburg, V.M. Sokolov and others. Since 1931 the journal was published under the title «Soviet ethnography» and from 1992 – «Ethnographic Review».

All through the seventy five years of its history the journal has been publishing ethnographic studies, surveys and other information on the work of ethnographers, museum experts, and folklorists of both metropolitan and local levels, chronicles, and reviews of domestic and foreign publications on ethnography.

Today the «Ethnographic Review» continues traditions of second half of the 1920's and faithfully serves the science of ethnography.